

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА ПРАВЕДНИКА В ПОВЕСТИ
Л.Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ» И РОМАНЕ
Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

Ideological and Literary Distinctions in the Representation of the
Image of a Righteous Man in the Story “Father Sergius”
by L.N. Tolstoy and E.G. Vodolazkin’s Novel “Laurus”

Ольга Николаевна Логутенкова
logutenol@mail.ru
Русская Школа Кипра (Пафос, Кипр)

Olga N. Logutenkova
logutenol@mail.ru
Russian School of Paphos (Paphos, Cyprus)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 06.08.2021

Fecha de evaluación: 07.12.2021

Cuadernos de Rusística Española n° 17 (2021), 237 - 248

РЕЗЮМЕ

В данной статье описаны особенности изображения духовной эволюции героев произведений Л.Н. Толстого и Е.Г. Водолазкина, путь нравственного самосовершенствования которых пролегает в рамках христианской концепции спасения человека, характерной для всей русской литературы. Исследуя содержательные компоненты художественной модели мира, репрезентируемой в повести Толстого «Отец Сергий» и романе Водолазкина «Лавр», мы приходим к выводу о том, что специфика религиозного типа художественного сознания писателя влияет на конструирование художественной модели мира в произведении и определяет выбор того или иного способа изображения героя-праведника. Анализ житийной схемы «грех — раскаяние — искупление — спасение», реализуемой в каждом из произведений по-своему, показал объединяющую эти тексты приоритетную роль христианской традиции, главная составляющая и движущая сила которой — любовь к ближнему.

Ключевые слова: герой-праведник, «Лавр», «Отец Сергий», художественная модель мира, тип художественного сознания.

ABSTRACT

This article describes the distinctions in the representation of the heroes' spiritual evolution in the works, written by L. N. Tolstoy and E. G. Vodolazkin, whose path of moral self-improvement lies within the framework of the Christian concept of human salvation, characteristic of all Russian literature. Examining the content components of the artistic model of the world represented in Tolstoy's novella "Father Sergius" and Vodolazkin's novel "Laurus", we come to the conclusion that the specificity of the religious type of the writer's artistic consciousness affects the construction of the artistic model of the world in the work and determines the choice of one or another way of depicting the righteous. The analysis of the hagiographic scheme "sin-repentance – redemption – salvation", implemented in each of the works in its own way, showed the priority role of the Christian tradition uniting these texts, the main component and driving force of which is love for one's neighbor.

Keywords: hero-righteous, "Laurus", "Father Sergius", artistic model of the world, type of artistic consciousness.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема нравственного самосовершенствования человека — одна из вечных тем мирового искусства, однако именно в творчестве русских писателей путь духовной эволюции героя, который невозможен без преодоления противостояния вещественного и духовного, земного и вечного, смертного и бессмертного, непосредственно связан с религиозно-христианскими тенденциями осмысления высшего смысла жизни человека. «Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью», — слова Н.А. Бердяева, произнесенные в прошлом веке (Бердяев 1998: 45), звучат с прежней актуальностью и сегодня по отношению к современной литературе. По мысли А.М. Панченко (1990), с которым мы выражаем полную солидарность, главное отличие русской литературы от западной связано с доминированием в ней православного мировоззрения. Так же, как сами писатели, творчество которых анализируется в статье, по-разному воспринимая идею божественного предназначения человека, не выходя за рамки христианской традиции, их герои, двигаясь, казалось бы, в разных направлениях, прибывают, тем не менее, в единую точку познания нравственных законов жизни и обретения Божественной благодати.

В данной работе мы проведем сравнительный анализ художественного пространства повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» (1898) и романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» (2012), в которых нашла продолжение традиция русской литературы в ее христианской заданности и соотнесенности с темой праведничества, с точки зрения раскрытия авторской позиции через художественный образ. Выбор произведений обусловлен в первую очередь их идейно-тематической близостью и актуальностью поставленных в них вопросов. Оба произведения проникнуты мыслью о существовании за миром земным мира небесного, к которому стремятся душой герои, увлекая за собой читателя, и содержат разностороннее изображение взаимосвязей и взаимопроникновений этих двух миров.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на то, что философско-религиозные мировоззрения двух авторов, живущих и творящих с более чем вековым временным разрывом, имеют ряд значительных расхождений, мы считаем, что обоих писателей можно отнести к религиозно мыслящим, а «...художник, обладающий религиозным мышлением, уделяет первостепенное внимание разработке и воплощению целостной системы идей, ориентированной не на эстетический, но на сакральный идеал, чей источник, условие и причина вне этого мира. Религиозно мыслящего художника отличает последовательное служение и верность этому идеалу, желание наполнить его светом души своих читателей» (Таянова 2011: 240).

Выделяя, вслед за В.В. Заманской, мифологический, экзистенциальный, политизированный и религиозный типы художественного сознания (Заманская 2002:

56), мы рассматриваем каждый из данных типов в неразрывной связи с авторской концепцией мира, репрезентируемой в художественной модели мира писателя. Обращение художника к религиозным темам – это всегда способ выражения его личного опыта познания Бога в той или иной степени. М.И. Шадурский указывает на такую особенность художественной модели мира, как кодификация мировидения, наличие «внутриструктурных связей, заданных автором и доступных воспринимающему сознанию» (Шадурский 2007: 86). В нашей работе мы попытаемся показать, как специфика религиозного типа художественного сознания писателя влияет на конструирование художественной модели мира в произведении и определяет выбор того или иного способа изображения героя-праведника.

Материалом исследования явились идейно-тематически связанные между собой произведения Л.Н. Толстого «Отец Сергей» и Е.Г. Водолазкина «Лавр».

Предметом выступает художественное изображение духовной эволюции героев-праведников, изображаемых Толстым и Водолазким.

Цель нашего исследования — раскрыть и сопоставить авторские позиции в рамках христианской заданности через анализ художественного образа героя-праведника, изображаемого в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» и в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр».

Задачи:

- 1) Выделить христианские истоки художественной модели мира Л.Н. Толстого и Е.Г. Водолазкина.
- 2) Сопоставить реализацию житийной схемы «грех – раскаяние – страдание – искупление – спасение» в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» и романе Е.Г. Водолазкина «Лавр».
- 3) Проанализировать духовно-нравственную эволюцию образов героев произведений Л.Н. Толстого и Е.Г. Водолазкина на сюжетобразующем и мотивном уровнях.
- 4) Доказать наличие зависимости специфики художественного изображения героя-праведника от особенностей религиозного типа художественного сознания писателя.

Основными **методами исследования** являются: метод описательной поэтики, направленный на анализ художественных текстов в соответствии с заявленными задачами; герменевтический, позволяющий интерпретировать тексты произведений в соответствии с авторским замыслом, и биографический метод, при котором контекст жизненного опыта писателя и мировоззрение рассматриваются в неразрывной связи с его творчеством.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Христианские истоки художественной модели мира писателей. О непростых отношениях Л.Н. Толстого с Русской православной церковью сказано и написано так много и нередко с ощутимой долей предвзятости, что сегодня сложно отличить

истину от вымысла, поэтому наиболее достоверную информацию следует черпать в трудах самого писателя. Судя по его дневниковым записям и письмам, основная причина, препятствующая полному принятию Толстым традиционной христианской православной веры, заключалась в отрицании духовной значимости церковных служб, постов, поклонений мощам и иконам, т. е. ее обрядовой составляющей. Это отчасти может объясняться негативным отношением Толстого к любым внешним проявлениям внутреннего, особенно там, где возможна подмена истинных чувств внешней эффектностью, что в полной мере изображено в романе-эпопее «Война и мир». Однако это отнюдь не означает, что писатель далек от христианского мировоззрения. В 1886 г. в предисловии к сборнику «Цветник» Толстой пишет: «В словах человеческих искать надо не пользы мирской, не забавы, не правды житейской, а правды Царствия Божия, той правды, которой велел искать Христос... В миру-то нет полной правды и потому, чтобы выразить ее, надо описать не то, что есть, а то, чего никто не видел, но все понимают» (Толстой 1936 б: 1). Эти строки в очередной раз доказывают христианскую направленность творчества писателя, для которого мир мыслится как трехмерное пространство, включающее духовное, или Божественное, измерение.

Религиозно-философские взгляды Л.Н. Толстого нашли отражение как в дневниковых и публицистических, так и в художественных произведениях писателя. Так, повесть «Отец Сергей» не только подтверждает нравственные позиции автора, но и содержит немало автобиографических моментов, затрагивающих непростое отношение писателя к Богу и религии в целом, его сомнения и внутренние колебания, о которых М. Горький писал: «Мысль, которая, заметно, чаще других точит его сердце, — мысль о боге. Иногда кажется, что это и не мысль, а напряженное сопротивление чему-то, что он чувствует над собою. Он говорит об этом меньше, чем хотел бы, но думает — всегда» (Горький 1952: 446).

Несмотря на то, что работа над повестью длилась целых десять лет, с 1890 по 1900 гг., Толстой не считал текст законченным, и поэтому напечатан он был только после смерти писателя. В повести «Отец Сергей», которую можно считать очередным дневником Толстого, прочитываются все сомнения писателя и его размышления о нравственном смысле жизни, итогом которых становится простая христианская мысль о том, что надо жить для блага всех людей, отрекаясь от себя и проявляя искреннюю заботу о ближнем.

Спасение души главного героя «Лавра» также происходит через самоотречение, однако очевидной становится мысль Е.Г. Водолазкина о пути достижения высшей благодати не иначе как через традиционные православные ценности, включающие, помимо служения людям, христианское смирение, молитву, аскезу и все то, что подразумевает воцерковление, т. е. участие человека во всей полноте церковной жизни. Путь Арсения-Лавра — это художественное отражение понимания автором романа того, каков должен быть «положительно прекрасный человек» любой эпохи. И существование такого героя для Водолазкина невозможно в отрыве от православного мироосмысления.

Поскольку в творчестве писателей, произведения которых мы рассматриваем, действительность интерпретируется сквозь призму христианского учения и модель мира строится на основе христианского идеала, совершенно понятным оказывается

обращение и Л.Н. Толстого, и Е.Г. Водолазкина к жанру житийной литературы, который каждый из писателей, используя в качестве прототекста, переосмысливает по-своему.

Цель жития — наглядно на отдельном существовании показать, что все, «... чего требуют от человека заповеди, не только исполнимо, но не раз и исполнялось, стало быть, обязательно для совести, ибо из всех требований добра для совести необязательно только невозможное» (Розов 1977: 25). Именно в агиографических произведениях было заложено представление о духовных исканиях человека, о характере воплощения нравственного идеала. Так же и на примере жизнеописаний Арсения, героя «Лавра», и Касатского, героя «Отца Сергия», авторы демонстрируют возможность спасения и обретения Божественной благодати теми, кто ее жаждет.

Обращаясь к житийному жанру, писатели воспроизводят в художественном образе главного героя тот тип праведника или святого, который представляется им наиболее близким к идеалу и олицетворяет воплощение высшей правды в земной жизни человека в определенный момент жизни и творчества, используя в качестве источников многочисленные агиографические произведения, среди которых жития Иакова Постника, Мартиниана, Сергия Радонежского, Аввакума, Тихона Задонского, Арсения и Пимена Великих («Отец Сергий») и жития Василия Блаженного, Андрея Юродивого, Ксении Блаженной, Варлаама Керетского («Лавр»).

Соглашаясь с А.А. Гореловым, который отделяет праведничество от «положительности изображаемого человеческого характера как таковой», мы считаем, что «...само слово “праведник” связано с фактическим обретением литературными персонажами “правды”, понимаемой как истина жизни не только ими самими, но и писателем. Вне этого морально-философского толкования мы останемся лицом к лицу с фигурально-расширительным словоупотреблением...» (Горелов 1988: 234). При этом важно помнить о том, что праведник не должен быть абсолютно идеален: “праведничество” не служит полной гарантией безгрешности, которая в принципе невозможна для обычного человека.

Рассмотрим основные черты сходства и различия в изображении героев-праведников анализируемых произведений Л.Н. Толстого и Е.Г. Водолазкина, в каждом из которых по-своему реализуется христианская миссия писателя, которая заключается в нравственном преображении и духовном воскрешении читателя.

Реализация житийной схемы «грех – раскаяние – искупление – спасение» в повести Толстого «Отец Сергий» и романе Водолазкина «Лавр». Следуя концепции В.Е. Хализева (Хализев 1997: 115), мы относим героев рассматриваемых произведений к двум разным типам праведников: «житейско-бытовому» (Степан Касатский) и «житийно-идеальному» (Арсений-Лавр). Праведность героев первого типа раскрывается в быту, во взаимоотношениях с людьми и взаимодействии с миром. В их жизни встречаются падения, но в целом, их деятельность так же направлена к Богу, как и земной путь героев второго типа, которые более всего следуют идеалу Спасителя.

С точки зрения мотивной организации, рассматриваемые нами произведения объединены центральным мотивным комплексом греха и искупления вины, который «...продвигает повествование, определяя перспективу событийного развития действия»

(Силантьев 2004: 79). При этом в обоих произведениях реализуется устойчивая житийная схема «грех – раскаяние – искупление – спасение», в которую органично вплетается сопутствующий мотив искушения. Данная сюжетобразующая схема позволяет говорить о духовной эволюции героев, которая реализуется в соответствии с двумя разными моделями.

Модель первая: индифферентность – формальная религиозность – начальные попытки духовного поиска – борьба с искушениями – грех – отчаяние – покаяние – внутренняя праведность.

Модель вторая: религиозность, присущая любому человеку средневековья, – грех – отчаяние – покаяние – путь искупления – святость.

Как видно, оба героя в финале достигают высоты душевно-духовной жизни, однако эта высота понимается каждым писателем по-своему, в зависимости от его уровня воцерковленности. Кроме того, в процессе духовных перевоплощений герои движутся из принципиально различных стартовых точек, совершая в первом случае («Отец Сергей») переход от сомнений к твердой вере и праведности, и во втором («Лавр») — путь нравственного очищения и совершенствования изначально верующего человека. Специфика эволюции персонажей определяется ключевыми ситуациями, в которых оказываются главные герои произведений. Вслед за И.С. Леоновым мы выделяем следующие критичные и обладающие принципиальной важностью для дальнейшего духовного развития героя моменты: *предстартовая ситуация, стартовая ситуация, кризис-ситуация, выбор-ситуация и финальная ситуация* (Леонов 2019: 26-30).

Проанализируем путь религиозно-нравственной эволюции героев Толстого и Водолазкина, ориентируясь на положение, в котором оказывается каждый из персонажей в указанных выше ключевых ситуациях.

Предстартовая ситуация представляет собой совокупность исторических, биографических и психологических факторов, формирующих мировоззрение и особенности поведения героя, объясняет его духовно-нравственное состояние в момент знакомства с читателем. Так, представляя своего героя читателю, Е. Водолазкин указывает точную дату рождения Арсения (8 мая 6948 года от Сотворения мира, 1440-го от Рождества Спасителя, в день памяти Арсения Великого) и место (Кириллов монастырь в Рукиной слободке), описывает его детские годы, проведенные с дедом Христофором, т. е. «Христа несущим» (греч.), и все упомянутые факты так же, как и сам язык повествования, говорят нам о том, что будущий Лавр изначально предрасположен к благочестивой жизни. Помимо всего перечисленного, в романе с первых строк ощущается атмосфера божественности бытия, свойственная Средневековью в целом и во многом предопределяющая дальнейший ход событий.

Совершенно иначе обстоит дело со Степаном Касатским, человеком светской культуры XIX века, который, хотя уже с юношеского возраста «не пил, не распутничал и был замечательно правдив», предстает перед читателем как человек «с огромным самолюбием», благодаря чему «он был первым и по наукам, в особенности по математике, к которой он имел особенное пристрастие, и по фронту и верховой езде» (Толстой 1954 а: 5). Светский образ жизни, который ведет герой, не располагает к вертикальному движению к Богу, а гордыня, которая занимает прочное место в душе князя, уводит его далеко от идеала праведничества. Таким образом, герои

начинают движение по лестнице богопознания, изначально находясь на разных, далеких друг от друга ступенях.

Мы считаем, что такая расстановка сил непосредственно связана с авторским пониманием праведничества и христианским осмыслением «положительного героя». Воспринимая художественный текст как систему, которая представляет собой диалектическое единство элементов, отбираемых в соответствии с принципами необходимости и достаточности, становится очевидным тот факт, что сочетание и взаимодействие этих элементов определяются целью системы. Понятие «цель», которая в нашем случае не отделима от авторской идеи, «...определяет и исходную позицию творца системы, и результат его деятельности» (Тимофеев 1982: 40).

Л.Н. Толстой, обозначая цель художника и способ ее достижения, писал: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения» (Толстой 1965: 433).

Таким образом, выбор писателем предстартовой ситуации оказывается обусловленным не только сюжетным замыслом, но и духовным опытом автора, который через художественное слово ставит вечные вопросы высшего смысла человеческой жизни, веры, праведничества, Бога и дает ответы на них в соответствии с собственной религиозно-православной картиной мира.

Стартовая ситуация определяет внутреннее состояние героя в момент завязки главного конфликта произведения и мотивирует его дальнейшее поведение. Большое значение здесь имеют и объективные факторы, которые происходят помимо воли и желания персонажа и провоцируют его на принятие определенных решений, приводящих к внутреннему и/или внешнему конфликту. В обоих рассматриваемых нами случаях в момент стартовой ситуации герои находятся (в большей или меньшей мере) отрыве от религиозно-христианских мировоззренческих ценностей, что и предопределяет их дальнейшее грехопадение.

Стартовой ситуацией для Степана Касатского становится разрыв с невестой, за которым следует отказ от блестящей карьеры и уход в монастырь. Автор дает понять, что решение оставить мирскую жизнь было принято князем не из религиозного чувства жажды обретения Божественной благодати, в этом поступке не было ни капли смирения, а лишь гордыня. Он понял, что, даже обладая настойчивостью, целеустремленностью и прочими ценными для светского человека качествами, он никогда не сможет быть уверен в том, что первенство будет принадлежать ему, всегда будут находиться неподвластные ему обстоятельства и люди, превосходящие его. Старец, у которого он некоторое время был на попечении, сумел верно определить, что Касатским двигала гордость:

«Старец разъяснял ему, что его вспышка гнева произошла оттого, что он смирился, отказавшись от духовных почестей не ради Бога, а ради своей гордости, что вот, мол, я какой, ни в чем не нуждаюсь. От этого он и не мог перенести поступка игумена. Я всем пренебрег для Бога, а меня показывают, как

зверя. «Если бы ты пренебрег славой для Бога, ты бы снес. Еще не потухла в тебе гордость светская. Думал я о тебе, чадо Сергей, и молился, и вот что о тебе Бог внушил мне: живи по-прежнему и покорись» (Толстой 1954 а: 12).

В значительной степени гордыня толкает на грех и Арсения – героя романа Е. Водолазкина. Из эгоизма Арсений не узаконивает отношения с Устиной, думая, что успеет сделать это после рождения ребенка, и не зовет на роды Устины повитуху, отказываясь таким образом выполнить просьбу любимого человека, так как уверен, что сможет справиться сам. Разумеется, героя оправдывает его молодость и неподготовленность к таким жизненным ситуациям, однако перед Богом и перед Устиной он оказывается грешен, и суть греха его в богопротивной гордыни. Стартовой ситуацией для героя «неисторического романа», таким образом, оказывается знакомство с Устиной, жизнь с ней во грехе и далекое от христианского отношение к девушке: «*Рыжая девочка казалась Арсению глиной в его руках, из которой он лепил себе Жену*» (Водолазкин 2021: 83).

В результате Устина, отрезанная от церкви и людей, умирает без покаяния, что представляется величайшей трагедией не только для человека Средневековья, но и для любого православного христианина. Смерть любимой женщины и ребенка становится *кризисной ситуацией*, после которой жизнь Арсения превращается в бесконечный, восходящий вертикально путь покаяния и искупления греха.

Интересно, что в первых черновых вариантах «Отца Сергия» невеста князя Касатского Мэри также умирает, и именно ощущение вины перед ней становится причиной обращения героя к Богу и последующего ухода в монастырь. Так, согласно первой рукописи повести 1890 г., после скандального расторжения помолвки «девушка заболела и через год умерла в чахотке. Она любила его. Он был при ее смерти. Она каялась ему и просила его прощения. А он чувствовал себя виноватым перед ней. Когда она умерла, он стал думать иначе о жизни и смерти» (Толстой 1954 б: 203). Однако в окончательном варианте Мэри не умирает, а выходит замуж за другого, а Касатский уходит в монастырь не из чувства вины, а именно из «чувства гордости и желания первенства». Таким образом, кризис-ситуация, которая всегда обусловлена личной катастрофой, для Касатского не связана с возлюбленной и происходит во второй половине повествования.

Кризис-ситуация, таким образом, — это состояние персонажа в наивысший момент напряжения духовных сил, когда физическая и/или душевная боль достигает апогея. В случае с героем повести Толстого, отцом Сергием, любимым и почитаемым многими праведником, это страшное прегрешение в объятиях купеческой дочери, после которого его посещает мысль о самоубийстве. В полной мере здесь раскрывается внутренний драматизм героя, осознавшего глубину своего падения. Заметим, что ни отец Сергей, ни Арсений, оказавшись в кризис-ситуации, не думают о Боге и о тяжести своего греха перед ним. Однако выход из этих ситуаций они не способны найти самостоятельно, без помощи свыше. Так, в августе 1890 г., уже начав работу над повестью, Толстой акцентирует в дневнике последний этап эволюции героя: «Описать новое состояние счастья — свободы, твердости человека, потерявшего все и не могущего упереться ни на что, кроме Бога. Он впервые узнает твердость этой опоры». (Толстой 1936 а: 74). Так, *выбор-ситуация*, которая является следующим

этапом духовной эволюции, дает возможность, приняв волевое решение изменить жизнь, направить ее в русло евангельских заповедей, взяв за образец и идеал жизнь Спасителя.

Для отца Сергия ключевым поворотом в духовной эволюции является уход из монастыря. Именно в этот момент становится совершенно ясно то, что он шел не своим путем и что этот путь предназначен для избранных, как раз таких, как герой романа «Лавр», последующая история которого оказывается бесконечным путем достижения подлинного духовного совершенства, познания Бога и Его Промысла. Встав на путь иночества, Арсений не испытывает в дальнейшем ни малейших сомнений и колебаний. Можно сказать, что там, где герой Толстого сбрасывает монашескую рясу, герой Водолазкина в нее облачается, и, двигаясь, казалось бы, в противоположных направлениях, оба оказываются в единой точке начала жизни во Христе.

Еще одной сюжетной скрепой, сближающей анализируемые произведения, является наличие персонажа-помощника, оказывающегося рядом с главными героями в момент необходимости принятия выбора. Так, Арсений выходит на спиралеобразный путь восхождения к Богу, потому что, следуя словам старца Никандра, пытаюсь искупить свою вину перед Устиной, отрекается от собственного «я», что проявляется, с одной стороны, в бескорыстном служении другим, а с другой, в буквальном отречении от собственной личности, как это озвучивает юродивый Фома: *«Откажись от своей личности ... откажись от себя совершенно»* (Водолазкин 2021: 180).

Для отца Сергия таким персонажем-помощником оказывается Пашенька — простая, недалекая, но необычайно чувствительная к нуждам других людей женщина. Именно через нее приходит к герою понимание истины и осознание причины духовного падения; только после разговора с ней бывший князь находит способ выхода из кризис-ситуации: *«Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом бога, она живет для бога, воображая, что она живет для людей»* (Толстой 1954 а: 31).

Завершает свой путь духовной эволюции герой Толстого полностью изменившимся человеком, проживающим свои дни в безывестности и бескорыстном служении людям, а значит, согласно религиозно-философским представлениям Толстого, и Богу. В финале повести, когда бывший князь Касатский предстает безымянным «рабом Божиим», ведущим крестьянскую жизнь, угадывается мысль Толстого об опрощении как необходимом условии праведничества и реализуется патриархальная концепция писателя, в которой Бог проявляется во всечеловеческом единении и любви: *«Он часто, находя в доме Евангелие, читал его, и люди всегда, везде все умилялись и удивлялись, как новое и вместе с тем давно знакомое слушали его. Если удавалось ему послужить людям или советом, или грамотой, или уговором ссорящихся, он не видел благодарности, потому что уходил. И понемногу бог стал проявляться в нем»* (Толстой 1954 а: 32).

Очевидно, что проявление Бога в герое говорит о том, что он, если и не достиг, то максимально приблизился к тому духовно-нравственному идеалу писателя, который соответствовал религиозному мировоззрению Толстого в конкретный период времени написания повести.

Главный герой Водолазкина, именуемый в конце романа Лавром, достигает наивысшего для православного сознания уровня духовного развития — святости. Он завершает путь так, как он и начал свои странствия, — приняв роды. Стартовая ситуация частично повторяется в финальной, отображая представление Е. Водолазкина о времени. Зная о смерти, герой завещает, как поступить с его телом: тело не погребают по традиционному обряду, а тащат по земле по воле самого усопшего. В этом акте проявляется его желание полного соединения со Всевышним, который есть и земля, и трава, и небо. Автор подчеркивает, что тело Лавра не тронуту тлением, а эта привилегия даруется лишь святым.

Как видно, религиозное мышление писателя проявляется в тексте произведения на всех уровнях — от проблематики до выбора языковых средств, и реализуется в изображаемой им художественной модели мира. Так, художественная модель мира Е. Водолазкина как совокупность пространственно-временных отношений, воплощенных в тексте, отражает мировидение православного человека, живущего согласно православным канонам, для которого понятия «религиозность» и «воцерковленность» являются синонимичными.

Модель мира, репрезентированная в художественном тексте Л.Н. Толстого, отличается тем, что, транслируя мироощущение, максимально приближенное к православному сознанию всего русского народа, оказывается принципиально далекой от церковной жизни. Точкой соединения моделей мира двух писателей можно считать присущую им обоим важную религиозную мысль о том, что цель земного существования человека заключается в стяжании истинной духовной любви, ради достижения которой необходимо умертвить в себе все плотское и обратиться к жизни по евангельским заповедям. Выбирая в качестве прототекста житийный жанр, в котором, описывая жизнь святого, авторы всегда стремились дать моральный образец для остальных людей, Л.Н. Толстой на исходе XIX века и Е.Г. Водолазкин, открывая своим романом второе десятилетие XXI века, также указывают своим читателям путь к спасению, понимаемый каждым по-своему, но осуществляющийся через восхождение по одним и тем же ступеням духовной «лестницы» — через покаяние и смирение к Богу.

ВЫВОДЫ

Любое художественное произведение есть выражение определенного эмоционально-мыслительного содержания, некоторого идейно-эмоционального комплекса в образной форме. Творение религиозно мыслящего писателя является отражением религиозно-нравственных идей автора, а образ изображаемого им праведника становится транслятором христианского миропонимания и мироосмысления художника.

Исследование художественного образа в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» и в романе современного писателя Е.Г. Водолазкина «Лавр» показало объединяющую эти произведения приоритетную роль христианской традиции, главная составляющая и движущая сила которой — любовь к ближнему. Изображая трудный и извилистый путь к вере и Богу, авторы показывают, что нравственное возрождение возможно

для каждого ищущего и ведут к нему разные пути: от долгих аскетических подвигов инока до смиренного служения людям в миру; несомненно одно: лишь отказ от гордыни и эгоизма неизменно приводит человека к Богу. Таким образом, несмотря на специфику изображаемых образов праведников, которая объясняется нами расхождениями в религиозной картине мира писателей, авторы приходят к идентичному выводу относительно потребности любой личности вне зависимости от времени и эпохи в духовно-нравственном развитии и бесконечном внутреннем движении к Творцу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕРДЯЕВ, Н.А. (1998). *О назначении человека*. Москва. ТЕРРА – книжный клуб: Республика.
- ВОДОЛАЗКИН, Е.Г. (2021). *Лавр*: роман. Москва. Издательство АСТ.
- ГОРЕЛОВ, А.А. (1988): "Праведники" как категория народной этической оценки и "праведнический" цикл произведений. В кн.: *Н. С. Лесков и народная культура*. Л.: Наука. С. 223-264.
- ГОРЬКИЙ, М. (1952). Лев Толстой: Заметки. *Л. Н. Толстой в русской критике: Сб. ст.* М.: Гос. изд-во худож. лит. С. 446—470. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/trk/trk-4462.htm> (дата обращения: 02.08.2021)
- ЗАМАНСКАЯ, В.В. (2002). *Экзистенциальные традиции в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий*: учеб. Пособие. Москва: Флинта-наука.
- ЛЕОНОВ, И. С. (2019). *Православная художественная проза XXI века типология и поэтика*: дис. ... доктора филологических наук. Волгоград.
- ПАНЧЕНКО, А. М. (1990). Пушкин и русское православие. *Рус. литература. №2*. Л.: АН СССР. С. 32-43.
- РОЗОВ, Н.Н. (1977). *Книга древней Руси. XI–XIV вв.* Москва: Книга.
- СИЛАНТЬЕВ, И.В. (2004). *Поэтика мотива*. Москва: Языки славянской культуры.
- ТАЯНОВА, Т.А. (2011). Специфика литературы религиозной направленности. *Проблемы истории, филологии, культуры. №1*. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-literatury-religioznoy-napravlenosti> (дата обращения: 04.08.2021)
- ТИМОФЕЕВ, Л.И. (1982). О системности в изучении литературного творчества. *Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения*. Л. С. 39-53.
- ТОЛСТОЙ, Л.Н. (1936 а). *Полное собрание сочинений: в 90 т. Том 27*. Москва: Художественная литература.
- ТОЛСТОЙ, Л.Н. (1936 б). *Предисловие к сборнику «Цветник»*. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/variant-predisloviya-k-cvetniku.htm> (дата обращения: 04.08.2021)
- ТОЛСТОЙ, Л.Н. (1954 а). *Отец Сергей*: повесть. Москва. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://tolstoy.ru/online/online-fiction/otets-sergiy/index.xhtml> (дата обращения: 01.08.2021)
- ТОЛСТОЙ, Л. Н. (1954 б). *Полное собрание сочинений: в 90 т. Том 31*. Москва: Художественная литература.

- ТОЛСТОЙ, Л. Н. (1965). [Письмо] Н. Н. Страхову 23 и 26 апреля 1876 г. В кн.: *Собр. соч.: В 20 т. Том 17*. Москва.
- ХАЛИЗЕВ, В.Е. (1997). «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX в. *Русская литература XIX века и христианство*. М.: Изд-во МГУ. С. 111-119.
- ШАДУРСКИЙ, М.И. (2007). Семантика художественной модели мира в литературной утопии. *Вестник Санкт-петербургского ун-та. Сер. 9. Филология*. С. 84-91.

BIBLIOGRAPHY

- BERDJAEV, N.A. (1998). *O naznachenii cheloveka*. Moskva. TERRA – Knizhnyj klub: Respublika.
- GORELOV, A.A. (1988). "Pravedniki" kak kategorija narodnoj jeticheskoj ocenki i "pravednicheskij" cikl proizvedenij. In: *N. S. Leskov i narodnaja kul'tura*. L.: Nauka. S. 223-264.
- GORKIJ M. (1952). Lev Tolstoj: Zаметki. *L. N. Tolstoj v russkoj kritike*: Sb. st. M.: Gos. izd-vo hudozh. lit. S. 446-470. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/trk/trk-4462.htm>
- KHALIZEV, V.E. (1997). «Geroi vremeni» i pravednichestvo v osveshhenii russkih pisatelej XIX v. *Russkaja literatura XIX veka i hristianstvo*. M.: Izd-vo MGU. S. 111-119.
- LEONOV, I. S. (2019). *Pravoslavnaja hudozhestvennaja proza XXI veka: tipologija i pojetika*: dis. ... doktora filologičeskikh nauk. Volgograd.
- PANCHENKO, A. M. (1990). *Pushkin i russkoe pravoslavie*. Rus. literatura. №2. L.: AN SSSR. S. 32-43.
- ROZOV, N.N. (1977). *Kniga drevnej Rusi*. HI-HIV vv. Moskva: Kniga.
- SILANTEV I.V. (2004). *Pojetika motiva*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- TAJANOVA T.A. (2011). Specifika literatury religioznoj napravlenosti. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. №1. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-literatury-religioznoj-napravlenosti> (data obrashhenija: 04.08.2021)
- TIMOFEEV, L.I. (1982). *O sistemnosti v izuchenii literaturnogo tvorčestva. Hudozhestvennoe tvorčestvo: Voprosy kompleksnogo izučeniya*. L., 1982. S. 39-53.
- TOLSTOJ, L.N. (1936 a). *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura. Tom 27.
- TOLSTOJ, L.N. (1936 b). *Predislovie k sborniku «Cvetnik»*. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chemnoviki/variant-predisloviya-k-cvetniku.htm> (data obrashhenija: 04.08.2021)
- TOLSTOJ, L.N. (1954 a). *Otec Sergij: povest'*. Moskva. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://tolstoy.ru/online/online-fiction/otets-sergiy/index.xhtml> (data obrashhenija: 01.08.2021)
- TOLSTOJ, L. N. (1954 b). *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura. Tom 31.
- TOLSTOJ, L. N. (1965). [Pis'mo] N. N. Strahovu 23 i 26 aprelja 1876 g. V kn.: *Sobr. soch.: V 20 t. T. 17*. Moskva.
- SHADURSKIJ, M.I. (2007). Семантика hudozhestvennoj modeli mira v literaturnoj utopii. *Vestnik Sankt-peterburgskogo un-ta. Ser. 9. Filologija*. S. 84-91.
- ZAMANSKAJA, V.V. (2002). *Jekzistencial'nye tradicii v russkoj literature XX veka. Dialogi na granicah stoletij: uceb. Posobie*. Moskva: Flinta-nauka.
- VODOLAZKIN, E.G. (2021). *Lavrus: roman*. Moskva. Izdatel'stvo AST.